

Император Лунсинь, не переставая улыбаться, смотрел вниз с крепостной стены. Его полуприкрытые глаза отыскивали в толпе Ци Юя, после чего он едва заметным кивком подал знак главному евнуху, чтобы тот не забыл огласить указ.

Чжоу Линь молча наблюдал за тем, как Ци Юй на другом конце площади без умолку болтал с Ци Юньцзюэ. Заметив, что юноша даже не подошел к нему, чтобы перекинуться парой слов, Чжоу Линь нахмурился. С мрачным видом он подошел к ним, на глазах у Ци Юньцзюэ увлек Ци Юя в сторону и бросил:

— Нужно поговорить. Скоро верну.

Что значит скоро верну? Лицо Ци Юньцзюэ от возмущения стало темнее тучи. Он что, считает его младшего брата какой-то вещью?

— Хоу-е...

— М-м? — голос Чжоу Линя был холодным и низким, в нем отчетливо сквозила угроза. Он притворно рассердился: — Забыл, как обещал меня называть?

Ци Юй послушно поправился:

— Чжоу Линь.

Лишь тогда выражение лица Чжоу Линя смягчилось. Он некоторое время пристально разглядывал лицо Ци Юя, его черные глаза блуждали по чертам юноши, а затем он пробормотал что-то себе под нос и, опустив голову, начал рыться за пазухой.

— Тебе. Маленький неблагодарный негодник.

В ладонь Ци Юя легла изящная маленькая сабля. Ножны были украшены тонкой резьбой по целестину, а на рукояти было просверлено отверстие, в которое продет темно-зеленый шелковый шнурок с кисточкой.

Ци Юй вспомнил, как однажды, когда они с Чжоу Линем упражнялись с мечами в загородном поместье, тот спросил, что он предпочитает: драгоценности, агаты или нефрит. Ци Юй ответил, что любит целестин.

И вот теперь на этой сабле красовалось несколько вставок из первоклассного целестина. Ци Юй поднял глаза на Чжоу Линя, не понимая, зачем тот решил сделать ему такой подарок.

Чжоу Линь, глядя на него с досадой, процедил сквозь зубы:

— Для самообороны!

Он-то думал, что Ци Юй придет в восторг или будет тронут, но этот неблагодарный негодник вместо благодарности лишь заподозрил скрытые мотивы.

Ци Юю сабля очень понравилась, он буквально не мог выпустить ее из рук. Улыбнувшись, он искренне произнес:

— Благодарю.

Чжоу Линь смущенно отвел взгляд. В этот момент в нем не осталось и следа той грозной стати, с которой он командовал войсками; теперь он выглядел как застенчивый юноша, соответствующий своему возрасту.

— Не за что.

— Я уезжаю, а ты, провожающий, даже не подготовил мне подарок, пришлось самому дарить, — Чжоу Линь покосился на Ци Юя. — Впрочем, я и не ждал, что ты подаришь что-то стоящее. Пусть будет это.

Чжоу Линь указал длинным пальцем на нефритовый поясной аксессуар, висевший на поясе у Ци Юя.

— Отдай его в качестве ответного подарка.

Ци Юй, не раздумывая, отвязал украшение. По сравнению с ценным и продуманным подарком Чжоу Линя, его поясная подвеска казалась лишь жалкой попыткой отплатить хоть чем-то.

— Это слишком просто. Позже я заменю его на что-то более достойное.

Чжоу Линь накинул подвеску на указательный палец, с довольным видом любуясь ею. Он слегка качнул рукой, и украшение мелодично звякнуло.

— Не нужно ничего менять. Мне нравится это.

Ци Юй: «?»

Это же самая обычная подвеска, что в ней такого особенного?

Чжоу Линь больше не проронил ни слова и с видом абсолютного удовлетворения вернулся в строй.

Раздался удар колокола — сигнал к отправлению.

Прежде чем взобраться на коня, Ци Юньцзюэ поднял взгляд на крепостную стену и встретился глазами с Ци Инем. Отец и сын молча обменялись взглядами. Ци Юньцзюэ с улыбкой опустил голову и посмотрел на не желающего расставаться с ним Ци Юя:

— Брат уезжает. Не забывай писать письма.

— Хорошо, — Ци Юй энергично закивал. — Я буду писать часто.

Чжоу Линь ни с кем прощаться не стал. Он ловко запрыгнул в седло, бережно спрятал полученную подвеску за пазуху, боясь раздавить ее по неосторожности. Он тихо усмехнулся, в его глазах светилась радость, но, разворачивая коня, он мгновенно сменил выражение лица на привычное строгое. Он издали поклонился императору Лунсиню, стоявшему на крепостной стене.

Император кивнул, уголки его губ приподнялись — казалось, он был очень рад избавиться от Чжоу Линя.

Чжоу Линя это не волновало. Когда он вернет границы и ворвется в Цзинду, еще вопрос, кому будет принадлежать эта Поднебесная.

Кортеж двинулся в путь. Едва хвост колонны скрылся из виду, как главный евнух тихонько отошел в сторону, чтобы огласить указ.

Снова старый трюк.

Ци Юй опустился на колени, слушая, как евнух тонким, визгливым голосом читает:

— По воле Небес, император повелевает: ныне, ввиду отъезда верного сановника и вакантности важной должности, учитывая верность и благородные деяния канцлера Ци, Мы желаем воздать ему должное и отметить его заслуги. Его сын, Ци Юй, искусный как в науках, так и в военном деле, достоин милости. Посему жалует ему чин Сюань Сюэя шестого ранга. Исполнить!

Ци Инь обычно умел скрывать свои чувства, но сейчас его лицо выглядело мрачным — он не ожидал, что император решит огласить указ именно сегодня.

Евнух спустился по ступеням стены и, подойдя к Ци Юю, подобострастно улыбнулся:

— Второй молодой господин Ци, поздравляю! Принимайте указ.

Ци Юй обеими руками принял свиток, и в воздухе прозвучал его чистый юношеский голос:

— Благодарю Его Величество за милость!

Император, улыбаясь, посмотрел на Ци Иня:

— Канцлер Ци, поднимайтесь.

Ци Инь тоже улыбнулся. Он встал, поправил рукава и мягко произнес:

— Ци Юй еще совсем молод, боюсь, он не достоин такой великой чести.

— Он уже не так мал. Помню, когда я пожаловал чин Юньцзюэ, он был в том же возрасте. Старший сын уехал, ты стареешь, пришло время Ци Юю разделить с тобой заботы, —

император делал вид, что печется о благе канцлера. — Должность сяовэя хоть и не самая высокая, но крайне важная. Я доверяю Ци Юю, поэтому и поручаю ему этот ответственный пост.

Конечно, если Ци Юй совершит ошибку или натворит бед, у императора будет отличный повод для наказания.

Сам Ци Юй не был против новой должности — это давало ему больше власти и возможность обзавестись доверенными людьми, чтобы потом, когда Се Чжаньи это потребуется, он смог ему помочь.

Тем временем император заменил компаньона Се Чжаньи в Академии, назначив на эту роль сына из боковой ветви семьи министра Пэя.

Се Чжаньи узнал о замене только тогда, когда пришел на занятия. Увидев, что рядом сидит не знакомый человек, он помрачнел. Учитель Вэй впервые в жизни почувствовал неловкость, наказывая учеников: он видел, что Се Чжаньи специально допускает ошибки, чтобы его компаньону доставалось ударов больше.

Не выдержав, учитель Вэй начал спрашивать других учеников.

После занятий, когда принцы и их компаньоны разошлись, Се Чжаньи остался на своем месте. Он смотрел на руки и ноги юного господина Пэя с такой зловещей неприязнью, словно обдумывал, какую кость ему сломать.

Мальчик так испугался, что даже плакать не смел. Сначала ему казалось, что раз Се Чжаньи такой красивый, то с ним будет легко поладить, но уже к концу первого дня он был в ужасе, с его лба градом катился пот.

Се Чжаньи впился взглядом в лицо Пэя. Его алые губы растянулись в улыбке, но слова, которые он произнес, заставили мальчика похолодеть от страха:

— Если хочешь остаться в живых, лучше не приходи сюда в следующий раз.

Мальчик был так напуган, что, вернувшись домой, устроил истерику и наотрез отказался возвращаться в Академию. В итоге он получил порку, но это было именно то, чего он хотел: теперь он был прикован к постели и не мог идти во дворец.

Се Чжаньи и без того был раздражен из-за того, что в последнее время не мог сблизиться с Ци Юем, а тут еще и замена компаньона. Шпиона, следившего за событиями вне дворца, впервые вызвали к нему. Тот приготовил целый список докладов о том, какой чиновник кого из принцев поддерживает, кто что скрывает, но Се Чжаньи лишь холодно спросил:

— Куда делся Ци Юй?

Ци Юй? Тот самый второй молодой господин Ци?

К счастью, шпион был человеком осведомленным и кратко пересказал все, что произошло в резиденции канцлера.

Умин молча взял поднос с чаем, но раздался хруст — Се Чжаньи смахнул горячую чашку на пол. Умин привычно опустился на колени, собирая осколки.

С тех пор как между Се Чжаньи и Ци Юем пробежала черная кошка, характер принца стал совершенно непредсказуемым. Разбитая чашка была мелочью — иногда он в ярости переворачивал столы.

В этот раз Се Чжаньи был по-настоящему взбешен. Его красивые, узкие глаза метали молнии, алые губы были плотно сжаты, а челюсть напряжена до боли. Долго молча, он наконец холодно бросил:

— Уходи.

— ...Слушаюсь.

Военные всегда отличались высокомерием. Когда Ци Юньцзюэ только назначили сяовзем, его тоже не раз пытались задеть, но он доказал свою силу. Теперь же на его месте оказался Ци Юй.

В Чжундуфу было восемь сяовзев, каждый отвечал за свой отряд. Ци Юй был новичком и к тому же выглядел слишком юным, поэтому начальство смотрело на него свысока, а подчиненные не воспринимали всерьез и постоянно пытались подставить.

Однажды на тренировочной площадке Ци Юя под предлогом спарринга вызвали на арену и начали избивать.

Система, наблюдавшая за этим, не выдержала:

— Таблетка для укрепления тела! Давай я подарю ее тебе, не нужно баллов, просто возьми!

Ци Юй, разозлившись, вытер кровь с губ и твердо ответил:

— Не нужно.

Он перевел дыхание. Все тело болело так, что он почти терял чувствительность, но он продолжал отражать удары, пока один из них не пришелся прямо в живот. Ци Юй рухнул на землю.

Вокруг слышались насмешки подчиненных, называвших его «слабым книжником», который занял место настоящего воина.

Ци Юя тошнило от боли, он хотел свернуться калачиком, но сил не было.

— Хватит! Как-никак он второй сын канцлера. Если вы его покалечите, вы что, жить надоели?

Сквозь туман Ци Юй услышал эти слова, и вскоре кто-то помог ему подняться. Его лицо было в синяках, губы бледные, испачканные кровью.

— Где военный лекарь? — рявкнул кто-то. — Живо позовите!

Ци Юй с трудом сфокусировал взгляд. Он услышал, как кто-то пробормотал:

— Если Ци Юньцзюэ узнает, что его драгоценного братишку так отделали, он же нас на куски порвет.

Ци Юй горько усмехнулся, но тут же поморщился от боли. Когда подошел лекарь, Ци Юй оттолкнул того, кто помогал ему стоять, и в его глазах блеснул холод.

Лекарь, привыкший к подобным сценам, молча протянул ему две баночки с мазью:

— Наносите перед сном, тщательно втирая в синяки.

Ци Юй принял лекарство, его голос звучал хрипло:

— Благодарю.

Когда Ци Юй, придерживая живот и пошатываясь, вышел из Чжундуфу, на углу улицы он увидел Се Чжаньни в черном одеянии.

Увидев растрепанные волосы, синяки под глазами и разбитые губы Ци Юя, Се Чжаньни замер. Его глаза мгновенно покраснели. Он почувствовал, как внутри все леденеет, словно его бросили в ледяное озеро.

— Кто это сделал?! — его голос звучал пугающе, словно его выдавливали из горла.

Ци Юй молча смотрел на него. Он не понимал, почему Се Чжаньни так переживает: ведь в его глазах он был лишь ничтожной «гаванью», даже не доверенным лицом.

Се Чжаньни, не дождавшись ответа, закричал, срываясь на плач:

— Кто это сделал?! Брат Ци! Я спрашиваю, кто?!

— Скажи мне, хорошо? — его холодные пальцы коснулись шеи Ци Юя. Он смотрел ему прямо в глаза, и его слова звучали как искушение демона: — Я отомщу за тебя, ладно? Если скажешь, кто это был... Или... хочешь, я ночью сожгу это место дотла? — в его глазах смешались боль и отчаяние. — Я запру их там! Всех до единого! Сожгу заживо! Хорошо?

Ци Юй не мог видеть, как Се Чжаньни доходит до такого состояния. Он вздохнул, перехватил его запястья и согрел их своими ладонями:

— Нет, не хорошо.

— Почему? — Се Чжаньи смотрел на него сквозь слезы. — Они ударили тебя! Они должны умереть!

Ци Юй обнял его, поглаживая по спине:

— Они не били меня, это был просто спарринг. Я просто оказался слабее. Не волнуйся, Сяо И, не волнуйся.

Се Чжаньи уткнулся лицом в его плечо:

— Меня они могут бить... но почему тебя?..

Ци Юй усмехнулся:

— Если бы били тебя, я бы тоже расстроился.

— Мне тоже больно, — прошептал Се Чжаньи. — Брат Ци, мне тоже больно...

Ци Юй помолчал и предложил:

— Давай так: пройдет время, я приглашу тебя посмотреть, как я сам их уложу. Я тоже буду тренироваться, — с воодушевлением добавил он. — Пока они не будут молить о пощаде, я не остановлюсь. Договорились?

Се Чжаньи молчал. В его глазах все еще горела жажда убийства, но постепенно она начала угасать.

Он не отпускал Ци Юя до самого дома, следуя за ним по пятам.

Когда они вернулись, Чэнь Чжун, увидев состояние Ци Юя, перепугался:

— Лекаря! Быстрее позовите лекаря!

— Не нужно, лекарь уже смотрел, — остановил его Ци Юй. — Дядюшка Чжун, отцу не говорите.

Се Чжаньи бросил на Чэнь Чжуна холодный взгляд, подумав: «Он не слушается брата Ци, значит, должен умереть».

После того как они поднялись в комнату, Се Чжаньи сам взялся за мазь. Его руки были ледяными. Когда он начал втирать мазь в живот Ци Юя, тот вздрогнул.

— Больно? — Се Чжаньи склонился и начал дуть на раны.

Ци Юй, боясь, что тот случайно его поцелует, отпрянул:

— Нет, просто твои руки холодные.

Се Чжаньи замер, отодвинулся, а затем вдруг начал расстегивать свой пояс.

— Ты что делаешь? — удивился Ци Юй.

Се Чжаньи засунул руки себе за пазуху, согревая их о собственное тело.

— Теперь не будут холодными.

Ци Юй лишился дара речи.

После того как они закончили, Се Чжаньи поспешил обратно во дворец.

Ци Юй восстанавливался два дня. Он был полон решимости и на следующее утро встал раньше всех, чтобы упражняться с оружием. Система вздохнула:

— Таблетка для укрепления тела.

— Нет.

— Почему ты такой упрямый? Я создана, чтобы помогать тебе!

— Система, спасибо за заботу.

Это был вежливый отказ. Система в сердцах пригрозила уволиться.

В тот день в Чжундуфу приехал генерал Шэнь Чжэн. Это был первый раз, когда Ци Юй видел его. Вопреки ожиданиям, генерал оказался не грубым воякой с виду, а красивым мужчиной с мощным телосложением.

Он осмотрел Ци Юя, пощупал его руки и плечи, после чего вынес вердикт:

— Слабак.

Шэнь Чжэн нахмурился:

— Ты и есть Ци Юй?

— Так точно, генерал.

Шэнь Чжэн подумал о том, что именно этот человек вскружил голову Се Чжаньи. Его племянник, который никогда не проявлял к нему особой теплоты, впервые попросил его о чем-то — и только ради того, чтобы он защитил этого «малыша».

Шэнь Чжэн усмехнулся:

— Слышал, тебя побили?

Ци Юй покачал головой:

— Нет.

<http://bllate.org/book/21529/2211190>